

— Хотя матушка и говорит резонно, что когда замужняя кузина вернётся навестить родных, сыну наложницы не повезёт тогда и грязь на меня не прилетит, но я не могу так просто это оставить. Я не могу проглотить эту обиду, болезнь не пройдёт быстро, а вас, наверное, будут ругать матушка.

Гу Хайтан, услышав голос позади, даже не обернулась, но в её глазах вспыхнул странный блеск, а в голосе звучала ненависть — она явно не собиралась отказываться от мести.

— Вы все выросли вместе со мной, и я не хочу, чтобы вас ругали, так что пусть этому выродку не повезёт, вы согласны?

Три служанки, включая умершую Чжиюнь, лучше всех знали характер своей госпожи. Испугавшись угрозы в её словах, они не посмели ослушаться и лишь дрожащими голосами ответили:

— Да, госпожа.

На следующее утро после падения в воду Гу Чжису проснулся очень рано. Он не стал звать прислугу, а сам оделся и встал у окна, сквозь которое веяло холодом. Он долго смотрел на дерево за окном. Услышав шаги позади, он не обернулся и лишь спокойно ответил:

— Я не мог уснуть, поэтому встал.

Цинхуань, увидев его, удивлённо воскликнула:

— Господин! Почему вы так рано встали?

— Я не мог уснуть.

Гу Чжису не оборачивался, его взгляд был прикован к дереву.

Двор, в котором он жил, назывался Жунли. В центре двора росло большое грушевое дерево. Богатые семьи очень придирчивы к растениям: обычно груша не сажается во дворах, так как «груша» созвучна слову «разлука». Однако груша была любимым цветом жены Герцога-покровителя государства, главы клана Мужун из Наньчжао — Дицзы Сихуа. Позже кланы Гу и Синь уничтожили людей клана Мужун, но из уважения к Герцогу-покровителю оставили груши в Императорском дворце.

Князь И происходил из клана Мужун из Наньчжао, поэтому груши в его резиденции были обычным делом.

Прошлой ночью, когда он снова лёг на ту самую кровать, на которой спал в юности, ему стоило закрыть глаза, как перед глазами встали языки пламени, reaching to the sky, плачущее лицо Синь Линьхуа перед смертью, злобный взгляд законной матери до её болезни и презрительный взгляд старшей сестры. Множество прошлых событий прокатилось у него в голове, и лишь спустя долгое время он смог немного успокоиться, но тут же увидел во сне того человека.

Это была сцена их первой встречи, только очень замедленная. Тот человек держал ветку груши и протягивал её ему, а на лепестках ещё shimmerгала утренняя роса.

Он знал, что это сон, но не мог удержаться и потянулся рукой.

Холод пронизывал до костей.

И тут он внезапно проснулся и больше не мог уснуть.

Ему надоело видеть во сне этих врагов — в конце концов, они все должны были умереть, — но он боялся увидеть во сне Чанъань.

Потому что был виноват перед ним и не смел встречаться с ним, даже во сне... не смел.

Цинхуань видела, что господин задумался, и помахала рукой перед его глазами, окликая:

— Господин, господин?

Гу Чжису опустил её руку:

— В чём дело?

Цинхуань заметила мрачный вид Гу Чжису и синяки под глазами и поняла, что он плохо отдохнул. После вчерашних событий её уважение к господину возросло. Видя, что он задумался, она не решилась говорить лишнего, а лишь пробормотала:

— Почему вы так долго смотрите на это дерево... Господин, вы умылись? Если да, я сейчас принесу завтрак.

Гу Чжису неопределённо кивнул, повернулся к столу и стал наливать чай:

— Через час мы выйдем из дома.

— Выйдем? — Цинхуань тут же расширила глаза, её пальцы невольно коснулись пустого кошелька. — Господин, куда вы пойдёте? За чернилами и кистями?

— Пойдёшь со мной и узнаешь, зачем так много вопросов, — Гу Чжису сел с чашкой чая, кончики пальцев коснулись раскалённой стенки, но выражение его лица не изменилось. — Кстати, вчера я просил тебя узнать новости. Ты что-нибудь услышала?

Цинхуань немного подумала, наклонилась к его уху и тихо доложила:

— К вашему сведению, господин... во дворе... потом они ушли.

Гу Чжису позавтракал, наблюдал, как ест Цинхуань, затем сменил одежду и взглянул на небо за окном.

— Рассвело. Пойдём.

Цинхуань убрала пустые блюда в ланч-бокс и последовала за Гу Чжису. Только они прошли через ворота двора Жунли, как вдали, за углом, мелькнула фигура, похожая на слугу. Цинхуань почему-то показалось это странным, она хотела что-то сказать, но Гу Чжису, казалось, этого не заметил и быстро ушёл вперёд.

Видя, что господина это не интересует, Цинхуань пришлось молча закрыть рот. Она оставила ланч-бокс в углу большой кухни и вслед за Гу Чжису побежала к боковым воротам. Она дала двум стражам несколько медных монет, и они легко открыли калитку. Внешняя стена резиденции князя И выходила на самую оживлённую улицу Минду — Гуанхо. Гу Чжису немного сориентировался и направился к другому концу улицы. Цинхуань с недоумением смотрела, как он идёт кругами, ей казалось, что господин немного потерялся, и она осторожно спросила:

— Господин, что вы ищете?

Гу Чжису, внезапно переродившийся двадцать лет назад, хорошо помнил многие важные события, но вот место, где он покупал принадлежности для каллиграфии двадцать лет назад, никак не мог вспомнить. Ему пришлось бродить наугад, но до сих пор он не нашёл нужного места:

— Я немного забыл, где здесь находится знаменитая студия каллиграфии и живописи... Ты помнишь?

Услышав это, Цинхуань поняла, что господин и правда забыл. Она уже собиралась что-то сказать с улыбкой, но вдруг сзади раздался ясный голос.

— Господин ищете студию каллиграфии и живописи?

Гу Чжису услышал эти незнакомые слова и тут же обернулся. Его взгляд скользнул по лицу пришельца, через мгновение он опустил глаза и поклонился:

— Верно. Гу давно не покидал особняк и на время забыл, где находится лавка чернил и кистей. Не скажете ли вы, уважаемый, где она?

Незнакомец был одет в небесно-голубой халат ху и накинул белоснежный плащ из шёлка. Под лучами солнца его лицо казалось особенно чистым и красивым, линии скул были твёрдыми — в нём была вся красота юноши семнадцати-восемнадцати лет. Услышав вопрос, он ярко улыбнулся и указал вдаль:

— Студия каллиграфии и живописи семьи Цянь, разумеется, лучшая в этом месте. Господин хочет туда попасть?

Гу Чжису посмотрел туда, куда указывал палец, и увидел огромную вывеску, в углу которой прятался золотой иероглиф «Цянь». Если не приглядываться, то сразу и не заметишь.

Уголки его губ тронула лёгкая улыбка, но в глазах, чёрных как яшма, застыл холод:

— Господин Цянь так хвалит свою лавку, что это вызывает сомнение: есть ли там на самом деле что-то стоящее.

Незнакомец, улыбаясь, оглядел его с ног до головы и удивлённо спросил:

— Вы меня знаете?

Гу Чжису покачал головой:

— Нет.

— Тогда... — он указал пальцем на нефритовую подвеску, покачивающуюся на поясе собеседника. — На нефритовой подвеске господина Цяня, кажется, ясно написано.

— Вы судите о том, что я из клана Цянь, только по подвеске?

Гу Чжису, чувствуя некоторый дискомфорт от его пронзительного взгляда, слегка отвернул голову в сторону. Ему не терпелось возиться с этим богатым юношей, поэтому он спокойно ответил:

— Если я не ошибаюсь, эта яшма — высококачественный нефрит старой шахты. Чтобы вырезать на нём один лишь иероглиф «Цянь», простая семья никогда не смогла бы себе этого позволить. А учитывая качество одежды на господине, перстень и корону, а также иероглиф «Цянь», во всём Минду остаётся только клан Цянь из Уюэ.

Этот человек ему, конечно, был знаком. Только после того, как он женился на дочери клана Цянь, ставшей его наложницей, он узнал о нём.

У клана Цянь из Уюэ в Минду было два известных завидных жениха: старший сын клана Цянь, Цянь Июй, управлял торговыми домами семьи и женился на Гу Хайцин, законной дочери второго сына клана Гу; второй сын, Цянь Имин, стал новым цзюйжэнем — победителем на экзаменах. А тот, кто стоял перед ним, как раз и был тем самым Цянь Имином.

Гу Чжису не хотел с ним связываться, тем более, что и в прошлой, и в этой жизни Гу Хайцин была на стороне госпожи Синь. Как он полагал, рано или поздно её будут использовать госпожа Синь, чтобы прибегнуть к влиянию клана Цянь и доставить ему неприятности. Поэтому в его речах не было ни терпения, ни почтения:

— Я ищу студию каллиграфии и живописи, а не лавку клана Цянь. Мне нужна обычная студия, а не такой монстр.

<http://bllate.org/book/16652/1525607>